

В. В. Петухов

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В МИРЕ НА ФОНЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ В ОЦЕНКАХ И СУЖДЕНИЯХ РОССИЯН

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6006

Петухов Владимир Васильевич — кандидат философских наук, руководитель центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: petuhovvv@mail.ru

Аннотация. Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН, автор, анализируя динамику общественных настроений и ожиданий россиян, отмечает, что фокус общественного внимания в последний год начал смещаться с внешнеполитической «повестки» на внутриэкономические и внутривнутриполитические процессы. В то же время среди россиян почти двукратное превышение опасений угроз внешнего характера над внутренними сохраняется, поскольку многие из формально внешних угроз, оказывая непосредственное влияние на жизнь многих россиян, начинают восприниматься ими уже в качестве угроз сугубо внутренних.

Первые позиции в иерархии угроз занимают ухудшение систем медицинского обслуживания и образования, резкое снижение уровня жизни значительной части населения и вероятность втягивания России в новый полномасштабный конфликт на Украине, который выступает в глазах общества проекцией нарастающего противостояния с Западом, опасений перерастания его в полноценную холодную войну. Напряжённые в последние годы отношения с ведущими западными странами также посеяли сомнения у значительной части общества относительно цивилизационной принадлежности России к Европе.

На фоне нарастания настроений тревожной неопределённости, как внутри страны, так и за её пределами, растёт стремление россиян усилить позиции нашей страны в мире. В то же время, оценивая её внешнеполитические перспективы в XXI в., большинство наших сограждан тем не менее высказываются за реализм во внешней политике, считая наиболее реалистичной задачу вхождения России в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира, таких как Германия, Франция, Япония, Великобритания. Причём главной предпосылкой возвращения России в число ведущих мировых держав является не экспансионистская внешняя политика, а решение назревших внутренних политических и социально-экономических задач. Только это, по мнению автора, позволит ей занять подобающее место в мировом сообществе, а россиянам — преодолеть страх перед будущим, которое до недавнего времени воспринималось многими из них как некий конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз.

Ключевые слова: внешние угрозы, внутренние угрозы, политические исследования, внутренняя политика, внешняя политика, международное положение, ценности, уровень жизни.

Нарастающая «турбулентность» мировой политики резко актуализирует проблему позиционирования России в современном мире на фоне тех вызовов и угроз, с которыми она сталкивается или может ещё столкнуться в XXI в. Не

только эксперты-международники, но и значительное число наших сограждан осознают взаимосвязь включённости России в глобальные политические и мирохозяйственные процессы с ситуацией внутри страны, их влияние на уровень и качество жизни россиян.

Институт социологии РАН неоднократно обращался к обозначенному кругу проблем, накопил большой эмпирический материал, что позволяет анализировать представления россиян об окружающем мире и месте России в нём в контексте социально-политических и экономических изменений внутри страны¹. Важность такого рода исследований обусловлена в первую очередь тем, что выбор геополитической ориентации любой страны, в том числе России, носит отнюдь не произвольный характер, а представляет собой сложный процесс взаимодействия множества факторов объективного и субъективного свойства, к числу которых относятся и сдвиги в ценностных и мировоззренческих ориентациях россиян. Понятно, что ключевую «матрицу» их ценностных ориентаций в первую очередь задают внутренние факторы жизнедеятельности общества, которые прямо или опосредованно воздействуют на методы и средства, которыми страна пытается повысить уровень своей конкурентоспособности в мире. Но и внешнеполитический менталитет, как справедливо отмечает С. Чугров, не менее важен, нежели внутривнутриполитический, поскольку позиционирование нации по отношению к внешнему миру имеет решающее значение для её самоидентификации и формирования системы ценностных ориентаций, т. е. для основ национального бытия. Объединяя в себе подсознательное отношение людей к определённым элементам мироустройства, он помогает осознать своеобразие восприятия и оценки нацией внешнеполитических процессов [Чугров, 2007: 57].

Следует также иметь в виду, что нарастающее противостояние России с коллективным Западом начинает приобретать не только геополитическое, но и ценностно-идеологическое измерение. Оно носит иной характер, чем в советские времена, но, безусловно, влияет на эволюцию внешнеполитических приоритетов россиян.

Внешние и внутренние угрозы и их влияние на повседневную жизнь россиян

Так, на начальном этапе российской трансформации (в 1990-е гг.) в российском обществе доминировали изоляционистские настроения, поскольку в условиях ломки привычного уклада жизни и необходимости адаптироваться к новым реалиям события и процессы, происходящие за пределами страны, тогда мало

¹ Подробнее см: [Россия на новом переломе..., 2009]; [Падение Берлинской стены..., 2010]; [Российское общество..., 2017]; [Двадцать пять лет..., 2018].

кого интересовали. Перестроечный всплеск интереса к Западу как ролевой модели экономических и политических преобразований быстро угас, как только выяснилось (а это произошло довольно быстро), что встраивание России в новый экономический и политический миропорядок не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, качества социальных услуг и т. п. А сравнение новой России со странами Запада после падения «железного занавеса» было отнюдь не в пользу российских реалий.

Ситуация постепенно начала меняться в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Заданный Е. Примаковым и продолженный В. Путиным внешнеполитический дискурс, направленный на поддержание партнёрских отношений с Западом, при сохранении «свободы рук» в принятии ответственных внешнеполитических и внутривнутриполитических решений за Россией, получил широкую общественную поддержку. К тому же впечатляющий экономический рост способствовал преодолению синдрома восприятия России как страны, побеждённой в холодной войне, деградирующей экономически и политически.

Но одновременно с этим в обществе росло понимание (особенно после резкой реакции Запада на события на юго-востоке Украины), что усиление международного влияния страны имеет конкретную цену и сопровождается сопротивлением со стороны других внешнеполитических игроков, что ведёт не только к повышению градуса международной напряжённости, но и начинает сказываться, причём не в лучшую сторону, на экономической и социальной ситуации в самой России. И хотя явно не сбываются многочисленные алармистские прогнозы, согласно которым внутри страны не за горами экономическая разруха, а за её пределами практически полномасштабная война с Западом, в обществе нарастают настроения тревожной неопределённости. Сегодня лишь треть россиян (32%) полагают, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно, в то время как большинство опрошенных скептически настроены в отношении позитивных сценариев развития – 35% считают, что ситуация в России принципиально не изменится, а 33% и вовсе уверены, что её в ближайшие годы ждут трудные времена¹. Примерно так же оценивают и ситуацию за пределами России. Позитивных изменений в мировой политике ждут 33% опрошенных, в то время как 42% склоняются в пользу дальнейшего ухудшения положения дел в мире (при 25% затруднившихся ответить). Причём тенденция негативного восприятия окружающей Россию мировой реальности носит довольно устойчивый характер, подвергаясь лишь незначительным колебаниям (см. рис. 1).

¹ В настоящей статье использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», подготовленные при финансовой поддержке РФФ. Исследование проводилось по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения (апрель 2018 г.). Также использованы результаты предшествующих исследований ИС РАН 2012–2018 гг.

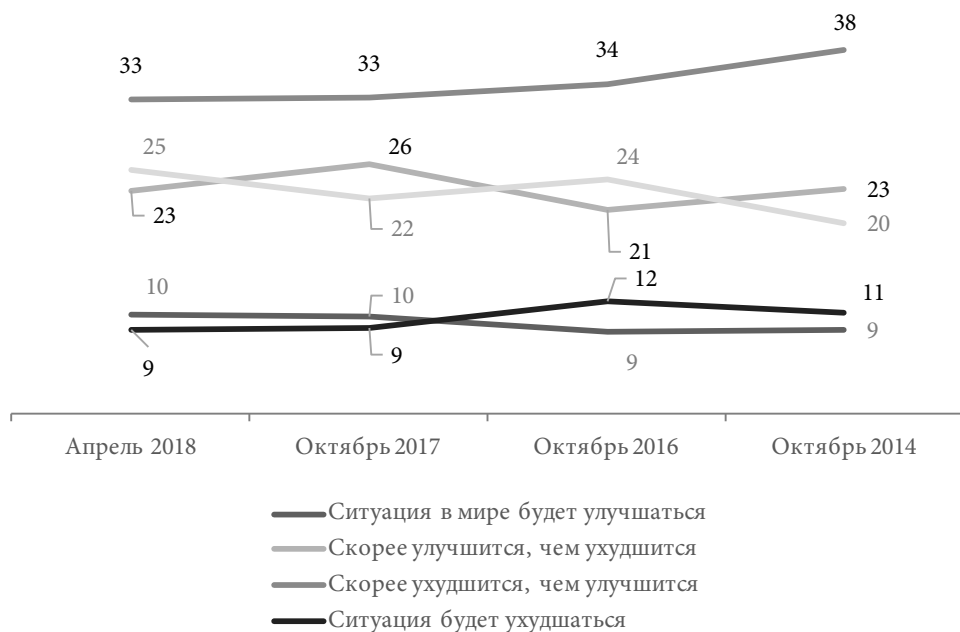

Рис. 1. Динамика оценок перспектив развития ситуации в мире, 2014–2018 гг., %

В результате возвращение России в «высшую лигу» мировой политики сопровождалось формированием двух разнонаправленных тенденций в мировосприятии россиян: с одной стороны, ростом патриотических настроений в обществе, наивысший всплеск которых был зафиксирован в период так называемой «Крымской весны» (2014–2015 гг.), а с другой – актуализацией ряда старых и появлением новых страхов и угроз, в частности – формированием довольно устойчивого стереотипа массового сознания, согласно которому *сложности, с которыми сталкиваются современная Россия и её жители в последние годы, включая затяжной экономический кризис, обусловлены факторами не столько внутреннего, сколько внешнего характера*. Лишь недавно фокус общественного внимания стал смещаться с внешнеполитической повестки на внутриэкономические и внутривнутриполитические процессы. Так, начиная с марта 2015 г. (пик крымского – украинского кризиса) по апрель 2018 г. доля россиян, уверенных в том, что все проблемы, с которыми столкнулась страна, инспирированы исключительно Западом, сократилась с 79 до 66%, и наоборот – с 21 до 34% возросла численность полагающих, что главный источник проблем и трудностей, которые сегодня переживает страна, находится в ней самой (см. рис. 2).

Тем не менее в оценках россиян и сегодня сохраняется констатация почти двукратного превышения опасений внешних угроз над внутренними. Это можно объяснить тем, что *многие из формально внешних угроз за последние несколько лет стали уже угрозами внутренними или воспринимаются значительной частью*

российского общества таковыми. К примеру, популярное ещё несколько лет назад мнение, что западные санкции не представляют никакой угрозы экономике России и благосостоянию её граждан, сегодня разделяют лишь четверть опрошенных россиян. Ещё меньше тех, кто продолжает считать, что, живя в России и получая зарплату в рублях, можно не обращать внимание на колебания курса доллара и рубля на валютном рынке.

Рис. 2. Динамика оценок россиянами основного источника угроз для России, 2014–2018 гг., %*

*Обозначения: «2015_м» – опрос в марте 2015 г., «2015_о» – опрос в октябре 2015 г., «2016_м» – опрос в марте 2016 г., «2016_о» – опрос в октябре 2016 г., «2017_м» – опрос в мае 2017 г., «2017_о» – опрос в октябре 2017 г.

Но, безусловно, особое беспокойство россиян вызывает дезорганизация мировой политики, нарастающее противостояние с Западом, что, как отмечает Г. Явлинский, приводит к тому, что у очень большого числа людей мир, окружающая реальность всё чаще предстают чем-то непонятным, опасным, непредсказуемым, не укладывающимся в привычную логику [Явлинский, 2017: 134].

То же самое можно сказать и о восприятии россиянами социальных и политических перспектив самой России, которые видятся также весьма неопределёнными. Не случайно тройку событий и процессов, вызывающих наибольшие опасения россиян (испытывают по поводу таких событий сильную тревогу, постоянный страх), сегодня составляют: ухудшение систем медицинского обслуживания и образования, резкое снижение уровня жизни значительной части населения и вероятность втягивания России в новый военный конфликт на Украине (данные по указанным показателям располагаются в диапазоне 43–50%) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Степень опасения россиян развития некоторых событий и процессов в нашей стране и в мире, один ответ, апрель 2018 г., %

Явления, процессы	Уровень тревожности		
	Испытывают сильную тревогу или постоянный страх	Испытывают некоторое беспокойство	Не испытывают беспокойства
Явления и процессы, вызывающие наибольшую тревогу у респондентов			
Ухудшение системы медицинского обслуживания и образования	55	34	12
Резкое снижение уровня жизни значительной части населения	47	42	11
Втягивание России в военный конфликт на Украине	43	43	14
Явления и процессы с менее высоким (средним) уровнем тревожности			
Распространение международного религиозного (исламского) экстремизма	40	42	19
Дальнейшее расширение НАТО на восток, включение в состав этого блока Украины, Грузии и Молдовы	38	40	22
Усиление внешнеполитического влияния США в мире	37	41	23
Моральная и культурная деградация значительных слоёв населения	32	40	18
Углубление экономического кризиса в России в связи с санкциями Запада	30	45	25
Явления и процессы с относительно низким уровнем тревожности			
Внешиполитическая изоляция России	29	42	29
Резкое падение цен на нефть	25	40	35
Распад России на несколько самостоятельных государств	24	32	44
Новая революция в России	24	29	47
Диктатура, массовые репрессии в стране	23	31	46
Усиление экономического и политического влияния Китая	22	38	40
Ухудшение отношений с бывшими республиками СССР	21	44	35
Межэтнические и межконфессиональные конфликты	20	43	37
Раскол внутри нынешней правящей элиты	7	28	65

Во втором эшелоне отмечаемых россиянами угроз с относительно менее высоким уровнем общей тревожности (30–40%) находятся разные по своему характеру и потенциальному воздействию на массовое сознание россиян позиции (в порядке убывания): международный исламский экстремизм, расширение НАТО на восток, усиление внешнеполитического влияния США в мире, моральная и культурная деградация населения России, углубление экономического кризиса в стране в связи

с санкциями Запада. Все эти проблемы, может быть, за исключением состояния морально-нравственного климата в обществе, чрезвычайно актуализированы в ведущих российских электронных медиа, и их весомый вклад в формирование подобного рода тревожных настроений очевиден. В то же время многолетние наблюдения показывают, что россияне в массе своей эмоционально откликаются только на информацию, которая в той или иной степени резонирует с их собственными представлениями и ожиданиями. Например, страх перед расширением НАТО тянется ещё с советских времён и приобрёл за это время черты уже устойчивой фобии.

В отношении же многих других важных явлений и процессов реакция россиян выглядит вполне рациональной. Так, респонденты не видят оснований для внешнеполитической изоляции России и, соответственно, не относят эту угрозу к числу первоочередных. То же самое можно сказать и об угрозах ухудшения отношений с бывшими республиками СССР, нарастания межэтнических и межконфессиональных конфликтов, роста экономического и политического влияния Китая. Их к явлениям, вызывающим сильную тревогу и страх, отнесло сравнительно небольшое число опрошенных — от 20 до 29%.

К этой же группе примыкают угрозы, казалось бы, потерявшие свою актуальность еще в 1990-е гг. либо представляющие собой откровенные политологические «страшилки».

Так, около половины всех опрошенных заявляют, что они не испытывают никакого беспокойства по поводу возможной революции в стране, распада России, установления диктаторского, репрессивного режима. Это второе — четвёртое место в иерархии угроз, которые, по мнению практически каждого второго россиянина, таковыми не являются и, соответственно, никакого страха у них не вызывают. Меньше россияне боятся только раскола правящей элиты. Тем не менее тот факт, что указанные угрозы до сих пор находятся в фокусе внимания четверти наших сограждан, свидетельствует о том, что российское общество пока ещё не простилося с ними окончательно.

Если же говорить об изменениях в «матрице» угроз, то они сравнительно небольшие. Как и четыре года назад, в топе актуализированных массовым сознанием угроз находится украинская тематика, а также вопросы здравоохранения и образования, что вполне соответствует текущей социально-политической повестке. При этом озабоченность ситуацией в социальной сфере за последние два года возросла, а опасения войны с Украиной, напротив, несколько снизились (с 50 до 43%). То же и с актуальностью проблемы моральной и культурной деградации населения, которая уступила второе место в этой своеобразной иерархии угрозе падения жизненного уровня населения. *В целом обращает на себя внимание снижение по большинству позиций высокого уровня тревожности.* Но одновременно с этим латентная тревожность («испытываю некоторое беспокойство») в большинстве случаев сохраняется на достаточно высоком уровне (от трети до 45%). Это говорит о том, что сохраняется возможность, при определённых обстоятельствах и наличии соответствующих ресурсов, актуализировать практически любую, даже мнимую угрозу. Если не в восприятии всего общества, то, по крайней мере, среди отдельных его слоёв и групп, учитывая, что сама палитра угроз ими видится по-разному.

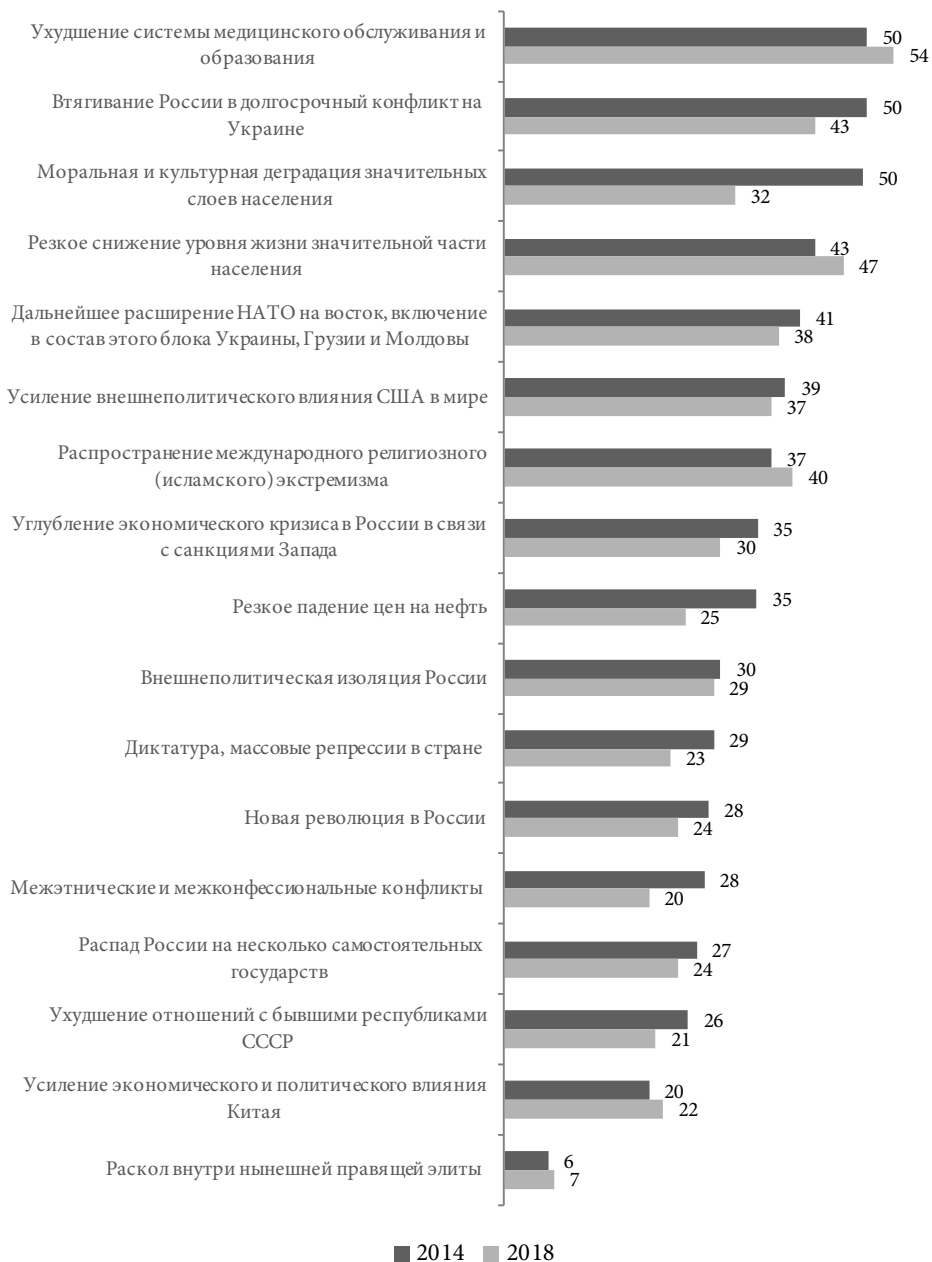

Рис. 3. Динамика оценок россиянами степени опасности развития некоторых событий и процессов в нашей стране и в мире (доля испытывающих сильную тревогу / постоянный страх), 2014 и 2018 гг., %

Например, усиление внешнеполитического влияния США, расширение НАТО на восток вызывают сильные негативные эмоции у 45% и 48% опрошенных респондентов старше 60 лет, и только у 33% и 30% в возрасте 18–30 лет. И это понятно, учитывая, что многие фобии времён противостояния СССР и Запада современной молодёжи не свойственны. Также страх войны, укоренённый в сознании многих представителей старшего поколения россиян, молодёжи присущ в меньшей степени. Возможность широкомасштабного военного конфликта с соседней Украиной страшит практически каждого второго россиянина пенсионного возраста, а среди молодёжи уже каждого третьего. Доля тоже немалая, но всё же существенно меньше в сравнении со старшим поколением. Этим объясняется и тот факт, что технология «торговли страхом», когда наше прошлое предлагается в качестве возможной альтернативы нашему настоящему и будущему (в частности, холодная и не исключённая «горячая» войны), безотказно действует на старшее поколение, но не всегда срабатывает в отношении молодёжи (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Опасения развития некоторых событий и процессов в нашей стране и в мире
среди респондентов разных возрастных групп, 2018 г., %**

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Возрастные группы, лет				
		18–30	31–40	41–50	51–60	60>
Втягивание России в военный конфликт на Украине						
Это не беспокоит	14	21	13	12	14	9
Испытываю некоторое беспокойство	43	45	42	44	45	39
Испытываю сильную тревогу, испытываю постоянный страх	43	35	45	44	41	52
Усиление внешнеполитического влияния США в мире						
Это не беспокоит	23	28	23	21	22	17
Испытываю некоторое беспокойство	41	39	41	42	44	38
Испытываю сильную тревогу, испытываю постоянный страх	37	33	36	37	34	45
Дальнейшее расширение НАТО на восток, включение в состав этого блока Украины, Грузии и Молдовы						
Это не беспокоит	22	30	23	19	18	16
Испытываю некоторое беспокойство	40	40	41	41	43	36
Испытываю сильную тревогу, испытываю постоянный страх	38	30	36	40	39	48

Что же касается возможных направлений дальнейшей эволюции общественных настроений, то здесь многое будет зависеть от перспектив разрядки международной напряжённости. Если она случится, то с большой степенью вероятности можно ожидать дальнейшего ослабления фактора внешних угроз и концентрации внимания россиян на внутрироссийских проблемах. Если нет, то, вероятно, резко актуализируется перспектива нарастания оборонных и изоляционистских настроений.

Судя по результатам последних исследований, перспективы первого сценария представляются предпочтительными. Завершившийся в России чемпионат мира по футболу также отчётливо продемонстрировал, что российское общество устало жить в обстановке «осаждённой крепости», в стране, если верить центральным каналам телевидения, окружённой со всех сторон или врагами, или завистниками. Как справедливо отметил известный журналист О. Кашин, на этом чемпионате общество «вернулось с войны», и речь даже не о буквальных военных делах, украинских или сирийских, и тем более не о холодной войне с Западом, а о войне как о всеобщем настроении, когда общественный раскол и общественное бессилие были главными факторами российской повседневности [Кашин, 2018].

Но футбольный праздник закончился, и россияне вернулись в реальную жизнь со множеством её проблем. Но всё же это уже несколько иная реальность, в которой появилась надежда на перемены, в том числе на обретение Россией статуса дружелюбной, пользующейся уважением в мире страны. Однако это не отменяет наличия общественного запроса на позиционирование России в качестве одной из ведущих держав мира, способной формировать и отстаивать собственную повестку дня в международных делах.

Горизонт внешнеполитического целеполагания России в оценках россиян

По оценкам ведущих экспертов, вхождение в «высшую мировую лигу» сегодня определяется, прежде всего, уровнем внутренней политической и экономической устойчивости и способностью той или иной страны к её проецированию вовне. Именно по этим основным критериям осуществляется структурирование международной системы крупнейших государств, образующих её верхний уровень. За неформальное право войти в состав ядра международной политической системы сегодня конкурируют между собой 10–15 государств, в том числе и Россия [Политическая наука..., 2016: 211].

Если судить по результатам исследований, россияне довольно высоко оценивают уровень внешнеполитической субъектности нашей страны. По мнению 36% опрошенных, она уже сейчас входит в тройку мировых лидеров наряду с США и Китаем. Ещё 28% ставят её в один ряд с такими ведущими государствами мира, как Германия, Великобритания, Франция и Япония. Существенно меньше тех (19%), кто полагает, что современная Россия не может быть причислена к ведущим странам мира.

На первый взгляд, эти оценки представляются явно завышенными, учитывая тот факт, что экономический потенциал нынешней России ниже большинства отмеченных стран. Но отличительной особенностью нынешней системы международных отношений является её многофакторность, где показатели экономического развития той или иной страны уже не являются столь доминирующими в мировой политике, как это было, к примеру, в XX в., особенно в первой его половине. Наряду с ними значимую роль приобрели такие факторы, как способность страны самостоятельно

обеспечить свою безопасность и суверенитет, активно влиять на разрешение международных конфликтов и т. п. И, скорее всего, именно по этим критериям респонденты идентифицируют современную Россию как великую державу. Причём за четыре года их число даже немного выросло – с 33 до 36% (см. таблицу 3).

Таблица 3

Динамика оценок россиянами положения России в мире, 2014–2018 гг., %

Оценки положения России в мире	2014 Октябрь	2016 Октябрь	2018 Апрель
Россия сегодня – великая держава, сравнимая по своему влиянию на мировые процессы с США и Китаем	33	35	36
Россия сегодня – одна из ведущих стран мира, сравнимая по своему влиянию с такими странами, как Великобритания, Франция, Германия, Япония	27	28	28
Россия сегодня не входит в число наиболее влиятельных стран мира	21	20	19
Затрудились ответить	20	17	17

В то же время обращает на себя внимание и факт существования статистической взаимосвязи (коэффициент Спирмена составил 0,175) между оценкой респондентами внешнеполитического потенциала нашей страны и уровнем их материальной обеспеченности. Так, благополучные в материальном плане респонденты весьма высоко оценивают и международный статус России (51% из их числа считают её великой державой при 36% в среднем по массиву). И наоборот, респонденты, которые характеризуют своё материальное положение как плохое, существенно реже отмечают, что современная Россия имеет должные основания для её позиционирования в качестве великой и ведущей страны мира (27 и 23% соответственно) (см. таблицу 4).

Таблица 4

Оценка нынешнего положения России в мире в группах респондентов с различным материальным положением, 2018 г., %

Оценки положения России	Оценки своего материального положения		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Россия сегодня – великая держава, сравнимая по своему влиянию на мировые процессы с США и Китаем	51	35	27
Россия сегодня – одна из ведущих стран мира, сравнимая по своему влиянию с такими странами, как Великобритания, Франция	28	30	23
Россия сегодня не входит в число наиболее влиятельных стран мира	9	18	28

Ю. Латов в связи с этим справедливо отмечает, что, несмотря на большое значение информационно-пропагандистского воздействия на мировосприятие наших сограждан, бытие по-прежнему существенно определяет сознание: бедного, не имеющего особых жизненных шансов россиянина труднее убедить, что он живёт в одной из ведущих стран мира [Российское общество..., 2017: 107].

В целом же появившаяся в последние годы уверенность значительного числа россиян в обретении нашей страной подобающего положения в мире обусловила преодоление двух крайностей: с одной стороны – *алармистских настроений восприятия России страной-изгоем, вытесненной на периферию мирового развития, а с другой – отождествления нынешней России с точки зрения её мощи и влияния в мире с СССР*. Вообще запрос на возрождение России как державы, пользующейся авторитетом и уважением в мире, не сопровождается ростом реваншистских и националистических настроений.

Что же касается перспективных целей, то нынешнее поколение россиян высказывается за реализм во внешней политике, за соотнесение её нынешних возможностей и тех целей, которые она перед собой ставит. Большинство из них отчётливо осознают, что современная Россия – не Советский Союз и уже никогда им не станет. Так, за возвращение России в XXI в. статуса, аналогичного тому, каким обладал СССР, а именно мировой сверхдержавы, в начале 2018 г. высказались чуть менее трети опрошенных (31%). Это примерно столько же, сколько в предшествующие четыре года. Однако большинство россиян (58%) считают более реалистичной задачу вхождения России в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира, таких как Германия, Франция, Япония, Великобритания (см. таблицу 5).

Таблица 5

Мнения россиян о том, к каким целям должна стремиться Россия в XXI в., 2014–2018 гг., %

Цели	2014 Октябрь	2016 Октябрь	2018 Апрель
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	29	29	31
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	58	56	58
Быть лидером на постсоветском пространстве	10	9	7
России не следует стремиться к глобальным целям	4	7	5

Причём вхождение России в клуб наиболее экономически развитых стран мира представляется многим россиянам задачей вполне решаемой. Так, 33% опрошенных полагают, что она может войти в пятёрку крупнейших экономик мира уже в ближайшие 5–6 лет, ещё 35% считают, что для этого понадобится 10–15 лет, и лишь 24% не верят в принципиальную реализуемость этого в обозримой перспективе.

В стремлении видеть Россию одной из ведущих мировых держав едины представители всех возрастных, образовательных и социально-профессиональных групп. Мыслить категориями «сверхдержавы» склонны, что вполне естественно, лишь представители старшего поколения россиян. Так, 39% россиян старше 60 лет хотели бы видеть Россию именно как воссозданную сверхдержаву – такую, какой был в своё время СССР. В группе респондентов 18–30 лет таких существенно меньше – 26%. Доминирующим в данной группе является мнение о том, что для России статус одной из ведущих стран мира – это то, что нужно (61%).

Таким образом, по мнению большинства россиян, наша страна и сейчас, и в будущем может и должна играть одну из ведущих ролей в мировой политике. Это не подвергается сомнению практически никем, поскольку противополож-

ной точки зрения, что Россия не должна стремиться к каким-либо глобальным целям, придерживается крайне незначительное число респондентов (5%). В то же время в этом стремлении отсутствует, как видно из вышеприведённых данных, экспансионистская компонента. Нынешняя Россия, в отличие от СССР, не предлагает своей альтернативы сложившемуся миропорядку или грандиозных планов по его реформированию. Она лишь стремится быть среди тех, кто создаёт правила, а не пассивно соглашаться с тем, что разработало мировое сообщество во главе с США [Тренин, 2016].

Наших сограждан, судя по опросам, не привлекает даже перспектива получения контроля, а значит и ответственности, над территориями, ранее входившими в состав СССР. Её сторонниками являются лишь 7% россиян. Это кажется парадоксальным на фоне всеобщего одобрения вхождения Крыма в состав России. В действительности же между восстановлением исторической справедливости в отношении данного региона (как её понимают многие наши сограждане) и имперским проектом — дистанция огромного размера.

Исследования также показывают изменение отношения россиян не только к постсоветскому пространству, но и к «большой Европе». Причём напряжённые в последние годы отношения с ведущими западными странами посеяли сомнения у значительной части россиян относительно цивилизационной принадлежности России к Европе. Ещё 10–15 лет назад большинство россиян не только идентифицировали себя в качестве европейцев, но и чётко разводили понятия «Запад» и «Европа», ассоциируя «Запад» в основном с США и НАТО, одновременно демонстрируя высокий уровень симпатий к большинству европейских стран, прежде всего к Германии и Франции. В 2014 г., после событий на Украине, ситуация изменилась. На фоне ухудшения отношений России со многими ведущими странами Европы резко снизилась доля россиян (с 55% в 2002 г. до 36% в 2014 г.), считающих, что прошлое и будущее России связано именно с этим регионом мира. И напротив, заметно возросло число тех, кто полагает, что наша страна представляет собой особую цивилизацию, существующую на стыке Европы и Азии, с перспективой дрейфа в восточном направлении (с 45 до 64%).

Представляется, что евроскептицизм россиян носит всё же ситуационный характер. Его основой является вовсе не весьма туманная «евразийская альтернатива», а обида за недружественные действия Европы в отношении нашей страны в последние годы. Спор же о европейской идентичности России или её цивилизационной «самости» в реалиях нынешней России имеет сугубо внутреннее измерение в качестве инструмента идеологической мобилизации общества в поддержку действий властей на международной арене.

Что же касается дискуссии о ценностной совместимости/несовместимости России и Европы, то это отдельная большая тема, требующая специального рассмотрения. Отметим лишь, что опросы действительно фиксируют наличие расхождений в восприятии россиян и европейцев таких, например, базовых ценностей, как демократия, права человека, свобода предпринимательства и т. д. Но они не

носят характер «ценностной пропасти» и вполне сопоставимы с расхождениями, например, жителей Северной Европы (Швеция, Дания) и Южной (Италия, Португалия), не говоря уже о Восточной Европе¹. И это вполне естественно, учитывая, что в многообразном «мире миров», по выражению Ю. Красина, существуют не один и не два, а несколько цивилизационно-культурных центров, коммуникация между которыми представляет серьёзную проблему [Красин, 2009: 128].

В отношениях России и Европы главный коммуникационный «тромб» – вовсе не ценностная несовместимость, а снижающаяся эффективность функционирования институтов и международно-правовых механизмов, регулирующих конфликты, а также резкое снижение доверия к ним, возникшее в ходе известных событий на юго-востоке Украины [Лапкин, Пантин, 2014: 69].

И если по вопросу будущего Украины между Россией и Западом будет достигнут компромисс, то наша страна, по мнению академика А. Арбатова, может вернуться на европейский путь, который не следует путать с торговыми потоками и маршрутами трубопроводов. Вектор развития России вовсе не предполагает её интеграцию в Европейский союз и другие европейские структуры. Европейский путь – это прежде всего преобразование российской экономической и политической системы на основе передовых европейских норм и институтов, проводимое с учётом российских потребностей и национальными традициями и при сохранении ею статуса самостоятельного центра силы [Арбатов, 2017].

В то же время, учитывая то, что перспективы взаимодействия России со своими ближайшими соседями и объединённой Европой до сих пор не ясны, большинство россиян склоняются к тому, что России ещё долгое время придётся решать свои проблемы самостоятельно в условиях ухудшающихся отношений со многими странами ближнего и дальнего зарубежья. Отсюда запрос на усиление державной мощи России в качестве основы роста её конкурентного потенциала на мировой арене и одновременно запрос на перемены, экономические и политические реформы внутри страны. Только рост экономического потенциала, решение назревших социальных проблем позволит ей занять, по мнению большинства россиян, подобающее место в мировом сообществе, а россиянам – преодолеть страх перед будущим, которое до недавнего времени воспринималось многими из них как конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз.

Список литературы

Арбатов А. Г. Крушение миропорядка // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 6. С. 220–237.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

¹ См.: [ESS6 – 2012., 2012].

Кашин О. Оттепельное настроение. ЧМ–2018 как общенациональная психотерапия [Электронный ресурс] // Republic: [веб-сайт]. Электрон. дан. 25.06.2018. URL: <https://republic.ru/posts/91298> (Дата обращения: 01.07.2018).

Красин Ю. А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Институт социологии РАН, 2009. 496 с.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 68–89. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.06>

Падение Берлинской стены: до и после. Россияне о внешнеполитических процессах прошлого и настоящего / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2010. 184 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / [В. Г. Барановский и др.]; под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. 672 с. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы»).

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / [М. К. Горшков и др.]; Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.

Тренин Д. Внешняя политика России в ближайшие пять лет: цели, стимулы, ориентиры [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги: [веб-сайт]. Электрон. дан. 28.04.2016. URL: <http://carnegie.ru/publications/63462> (Дата обращения: 01.07.2018).

Чугров С. В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 46–65. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.04.04>

Явлинский Г. А. Потеря будущего // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 133–155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.10>

ESS6 – 2012 Data Download [Электронный ресурс]. European Social Survey: [веб-сайт]. Электрон. дан. 2012. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (Дата обращения: 27.07.2018).

Дата поступления в редакцию: 04.06.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6006

Positioning of Russian in the World Against a Background of External and Internal Threats in Estimations and Perceptions of the Russians

Petukhov Vladimir Vasil'evich

Candidate of Philosophy, Head of the Center for Complex Social Research, Institute of Sociology, FCTAS RAS. Krzhizhanovsky str., 24/35, bldg. 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: petuhovvv@mail.ru

Abstract. Based on the results of surveillance studies of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, by analyzing the dynamics of public sentiments and expectations of the citizens of the Russian Federation, the author indicates that the focus of public attention in the last year began

to shift from the foreign policy agenda to internal economic and internal political processes. At the same time, Russians' concerns over external threats persist to be almost twice as high as over internal ones because many of the threats, formally external, directly affecting the lives of many Russians, begin to be perceived by them already as purely domestic threats.

The first positions in the hierarchy of threats are held by the worsening of health care and education systems, and the sharp decline in the standard of living of a significant part of the population and the chance of Russia being drawn into a new full-scale conflict in Ukraine, which appears in the eyes of society as a projection of growing confrontation with the West, the fears that it will grow into the full-fledged "cold war". The tense relationships with the leading Western countries of the recent years also put doubts in the significant part of the society as to whether Russia may be considered Europe in the civilizational way.

Against the backdrop of the swelling sentiments of anxious uncertainty, both within the country and abroad, the desire of Russians to strengthen the position of our country in the world is growing. At the same time, while assessing its foreign policy prospects in the 21st century, most of our fellow citizens nevertheless speak for realism in foreign policy, considering the most realistic task of Russia becoming one of the most economically developed and politically influential countries in the world, such as Germany, France, Japan, and Great Britain. Moreover, the main prerequisite for Russian returning to the circle of leading world powers is not the expansionist foreign policy, but the solution of the escalated internal political and socio-economic tasks. Only this, in the opinion of the author, will allow it to occupy a proper place in the world community, and for Russians to overcome the fear of the future, which until recently was perceived by many as a conglomerate of rather unclear, and therefore frightening, threats.

Keywords: external threats, internal threats, political research, domestic policy, foreign policy, international situation, values, standard of living.

REFERENCES

Arbatov A. G. Krushenie miroporiyadka. [The collapse of the world order]. *Russia in global politics*. 2017. T. 15. № 6. P. 220–237 (In Russ.).

Chugrov S. V. Ponyatie vneshnepoliticheskogo mentaliteta i metodologiya ego izucheniya. [The concept of foreign policy mentality and the methodology of its study]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2007. № 4. P. 46–65. (In Russ.).

Kashin O. Ottepel'noe nastroyenie. CHM–2018 kak obschenatsional'naya psikhoterapiya. [Thawing mood. World Cup 2018 as a nation-wide psychotherapy]. [Elektronnyy resurs]. *Republic: [veb-sayt]*. Elektron. dan. 25.06.2018. (Data obrascheniya: 01.07.2018). (In Russ.).

Krasin Yu. A. *Metamorfozy rossiyskoy reformatsii. Politologicheskie syuzhety*. [Metamorphosis of the Russian Reformation. Political science subjects]. Moscow: Institut Sotsiologii RAN, 2009. 496 p. (In Russ.).

Lapkin V. V., Pantin V. I. Krizis ukrainskoy gosudarstvennosti: politiko-pravovoy, tsennostnyy i geoekonomicheskiy aspekty. [The crisis of Ukrainian statehood: political-legal, value and geo-economic aspects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2014. № 5. P. 68–69. (In Russ.).

Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya: nauchnoe izdanie. [Political science before the challenges of global and regional development]. Ed. by O. V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt Press, 2016. 672 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. [Russian society and the challenges of time. Book five]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Moscow: Ves' Mir. 2017. 427 p. (In Russ.).

Trenin D. A. *Vneshnyaya politika Rossii v blizhayshie pyat' let: tseli, stimuly, orientiry*. [Five-Year Outlook for Russian Foreign Policy: Demands, Drivers, and Influences]. [Elektronnyy resurs]. Moskovskiy tsentr Karnegi: [veb-sayt]. Elektron. dan. 28.04.2016. (Data obrascheniya: 01.07.2018). (In Russ.).

Yavlinskij G. A. Poterya buduschego. [Loss of the future]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = «Polis». «Political Studies»*. 2017. № 5. P. 133–155. (In Russ.).

ESS6–2012 Data Download. [Electronic resource]. European Social Survey. [veb-site]. Electron. dan. 2012. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6> (Date of access: 27.07.2018).

Date received by 04.06.2018.